

Сычева, И.С. Принцип единства рационального и иррационального в этнопедагогике
/И.С. Сычева // Педагогика: научно-теоретический журнал. – 2013. – № 3. – С. 92–99.

ПРИНЦИП ЕДИНСТВА РАЦИОНАЛЬНОГО И ИРРАЦИОНАЛЬНОГО В ЭТНОПЕДАГОГИКЕ

Аннотация: В статье анализируется этнопедагогический принцип единства рационального и иррационального в воспитании, который отражает взаимосвязь духовного и материального, рационального и иррационального в жизни как отдельного человека, так и семьи, социума, природной среды. Принцип впервые обоснован в этнопедагогическом исследовании и рассматривается на примере региональных воспитательных традиций Мозырского Полесья, одного из самобытных регионов Беларуси и в целом славянской культуры. Автор считает, что данное требование к организации воспитательной деятельности справедливо не только для региональной этнопедагогике, но и для понимания осуществления воспитания в традиционных культурах большинства народов мира.

The article deals with ethnopedagogical principle of unity of rational and irrational in upbringing. This principle reflects interconnection of spiritual and materialistic, of rational and irrational in the life of a person as well as in the life of a family, a society and natural environment. This principle is for the first time substantiated in the ethnopedagogical research and is considered by example of regional educational traditions of Mozyr Polesye – one of the original regions of Belarus and in whole of Slavonic culture. The author considers this requirement to the organization of educational system to be correct not only for regional ethnopedagogy but also for traditional cultures of most peoples of the world.

Ключевые слова: Региональная этнопедагогика, народная педагогика Мозырского Полесья, народное воспитание, принципы воспитания, принцип единства рационального и иррационального, методы воспитания, традиционная культура региона.

Key words: regional ethnopedagogy, public pedagogy of Mozyr Polesye, public pedagogy, public education, concept of education, methods of education, principle of unity of rational and irrational, traditional culture of the region.

Нами проведено комплексное исследование народной педагогики Мозырского Полесья (юго-восточный регион Беларуси в бассейне реки Припять, локализованный вокруг г. Мозыря, включающий Петриковский, Житковичский, Брагинский, Мозырский, Калинковичский, Хойницкий, Наровлянский и Ельский районы Гомельской, до 1954 года Полесской области), которая благодаря природно-географическим условиям долгое время была изолирована от внешнего влияния, сохранила своеобразие и архаические черты.

Неповторимость традиционной (устной, доиндустриальной) культуры Полесского края, неотъемлемой составной частью которой являются идеи народной педагогики, отмечали ученые-фольклористы З.Даленга-Хадаковский, М. Довнар-Запольский, Е. Карский, К. Машинский, Ч. Пяткевич, А. Сержпутовский, И. Сербов, П. Шпилевский, классик белорусской литературы Иван Мележ, российский славист Н.И. Толстой и многие др.

В целом Полесье простирается на достаточно обширной территории. По территориальному признаку выделяется Пинское, Брестское, Мозырское, по этнической – Белорусское, Польское, Украинское, Российское Полесье. Белорусское Полесье занимает территорию Гомельской (Восточное Полесье) и Брестской (Западное Полесье) областей.

Термин “полешук” в исторических источниках известен с 1613 года, но как самоназвание местными жителями не употребляется, является экзоэтнонимом. Жителей Мозырщины соседи так же называют “сакуны”, “полешуки-сакуны”, отмечая своеобразие местных диалектов, где возвратные глаголы употребляются с твердой частицей “-са”, а не “-ся”, как в русском и литературном белорусском языках: “памыласа”, “утаміласа” и т.д.

Существуют и особенности педагогической лексики. Термин “воспитание” (по-белорусски “выхаванне”) не употребляется в местных диалектах в своем

общепринятом значении. Региональные словари фиксируют его более архаичное, первоначальное значение “вуховаць” – спрятаць, не даць погібнуць, сберечь. Белорусы-полешуки и сегодня повсеместно говорят “гадаваць дзяцей”, в значении вырастить, выкормить, научить, а так же “годованец”, “годованік”, “годованіца”, “годованка” – воспитанник, воспитанница. Употребляются так же глаголы “глядзец”, “наглядаць” “глядзец дзіця” – в значении смотреть, няньчить, не спускать глаз, опекать, контролировать [1].

Исходя из этого, народное воспитание на Мозырском Полесье – это организация “гадавання” (взрачивания), “навучання” (обучения) и “нагляду” (досмотра), где “гадаванне” – обеспечение физического и духовного развития детей в семье до взросления, вступления в брак; “навучанне” – процесс приобретения жизненно-практического опыта и регионального мировоззрения в семье, социальной среде; “нагляд” – контроль и оценка каждодневного поведения, поступков и высказываний воспитанника в семье или социуме в соответствии с требованиями народной морали.

Народная педагогика Мозырского Полесья – регионально своеобразная система взглядов на воспитание, которая выражает специфику мировоззрения и способа жизни белорусов-полешуков, передается в быту, традициях, народном творчестве, межличностных отношениях представителей разных поколений и реализуется в практической организации воспитания в условиях данного региона.

В ходе исследования установлены основные принципы народной педагогики Мозырского Полесья – требования к воспитательной деятельности, которые обеспечивают эффективность формирования определенного типа личности на основе региональной культуры и следуют из устойчивых и повторяющихся закономерностей, характерных для традиционного способа жизни. К общим, глубинным закономерностям относятся: взаимосвязь человека и природы, вселенной (принцип природосообразности); цикличность природного, хозяйственного и социального бытия и фольклора (принцип цикличности); жизнь в труде, натуральный характер хозяйствования (принцип

связи воспитания с трудом); синкретизм, взаимосвязь духовного и материального в традиционной культуре (принцип единства рационального и иррационального); преемственность традиций, консерватизм, культ предков (принцип культуросообразности).

Названные принципы несколько отличаются от общепринятых в отечественной науке, но тем не менее вполне приемлемы для этнопедагогике. Выделение же принципа единства рационального и иррационального является дискуссионным, сделано нами самостоятельно на основе анализа традиционной культуры региона Мозырского Полесья и славянских традиций в широком смысле.

Принцип единства рационального и иррационального – это требование соединять реальный воспитательный опыт с интуицией, предчувствием, религиозными представлениями; учитывать, что на формирование ребенка и его дальнейшую судьбу могут оказывать воздействие не только материальные факторы, но так же время рождения и значительные природные явления; эмоциональное состояние близких, положительные или отрицательные мысли и пожелания присутствующих или даже отсутствующих родственников; правильность выполнения обрядов и рекомендаций народной медицины до рождения ребенка и в период новорожденности; общественная оценка, “слава рода”, соблюдение требований народной морали данной семьей и родом в целом.

Принцип единства рационального и иррационального опирается на менталитет и особенности мировоззрения белорусов-полешуков, коренных жителей региона. И.А. Сербов писал в книге “Беларусы-сакуны”, изданной в 1915 году: “До какой степени крепко сакуны верят еще в разные заклятия и чародейства, видно из того, как чародеи и шептуны хранят въ строжайшей тайне свои заговоры и заклинания” [2, с. 47]. Эту особенность отмечает и большинство современных белорусских исследователей: Т.В. Володина, Т.И. Кухаронок, И.И. Крук, Л.В. Ракава, Т.И. Шамякина. Проведенный нами опрос так же свидетельствует, что мифологические представления, приметы и поверья занимают в традиционной культуре Мозырского Полесья значительное место,

даже на сегодняшний день, представляя собой еще живую традицию, которая осознанно или неосознанно, но достаточно последовательно реализуется в воспитании, особенно при беременности и досмотре детей раннего возраста.

Представления коренного населения Мозырского Полесья не являются нечем исключительным – подобное мировоззрение присуще большинству народов мира. Как правило, его основные нормы не противоречат общечеловеческим ценностям, а подкрепляют их на уровне подсознания, на языке ритуала, что обогащает воспитательную деятельность.

Законы мифологического мышления сформулированы английским исследователем традиционных культур Д.Д. Фрезером: “Магическое мышление основывается на двух принципах. Первый из них гласит: подобное производит подобное или следствие похоже на свою причину. Согласно второму принципу, вещи, которые раз пришли в соприкосновение друг с другом, продолжают взаимодействовать на расстоянии после прекращения прямого контакта” [3, с. 19]. Это объективные, всеобщие закономерности всемирного цивилизационного процесса. Не учитывая их нельзя до конца понять не только региональные воспитательные традиции, но и в целом проследить генезис воспитательных традиций как славянских народов, так и других народов мира.

Основа данного принципа – региональная система запретов и регламентаций, которые обеспечивают веками сложившийся порядок, лад, строгую последовательность в хозяйственной, социальной и семейной жизни. Например, “давесці дзяцей да ладу” – значит воспитать, поставить на ноги, научить ремеслу, женить. Соответственно, если в семье при вынашивании, рождении и воспитании ребенка порядок был нарушен, то он может иметь проблемы в будущем. Нарушение порядка (работа в дни религиозных праздников, выдача замуж сестер не по старшинству, рождение внебрачного ребенка) способны вызвать нежелательные последствия и перемены в судьбе человека или семьи, природные катаклизмы (буря, град, засуха), болезни и эпидемии.

Запреты помогали объяснить природные явления, упорядочить человеческую жизнь: контролировать свои действия, предвидеть возможные результаты воспитательного воздействия, планировать будущее детей (если..., то...). Понимание этих явлений позволяет объяснить важнейший постулат народной педагогики: если дети не будут слушаться и уважать родителей, исполнять правила поведения, то нарушиться извечный порядок жизни, лад. Отсюда строгость, требовательность к детям и особенно подросткам, которые специально или нечаянно могут нанести вред себе и своей семье.

Принцип единства рационального и иррационального опирается на синтез народной педагогики с традиционной медициной, магией и мифологией, устным народным творчеством во всем его многообразии. Согласно синкретизму, мир считался единым, отсутствовало строгое разделение на материальную и идеальную культуру (дом, печь), прагматическое противопоставление хлеба и песни (жнивный обряд), лексического и магического значения слова (имя, пословицы, клятвы, заговоры), слова и действия (пожелания, подарки и гостинцы детям), свободного времени, труда и воспитания (“вячоркі” – и традиционная форма организации общения, и форма воспитания, передачи социального опыта).

Появление человека на свет в народной педагогике Мозырского Полесья связано с сакральными, тайными знаниями. Для обозначения этих фактов и явлений белорусы-полешуки употребляют глаголы “ведаць” и “знаць”, причем слово “ведаць” употребляется преимущественно при объяснении абстрактных понятий: “Бог ведае, што з намі будзе на том съвеці. – Толькі Бог ведае!” [4, с. 74].

Исследователи истории педагогики (А.Н. Джуринский, Г.Б. Корнетов) отмечают, что в древности воспитательный опыт оценивался как тайна: значительный смысл придавался воздействию на человеческий след, нравственным заповедям родителей, обрядам инициации. В народной педагогике Мозырского Полесья архаические методы и формы (благословение родителей, обряд кумления, обряды испытания молодых на свадьбе, воспитание в семье дяди – брата матери) частично сохранились до нашего времени, являются

неотъемлимым элементом преемственности, обеспечивают связь между поколениями.

Одно из самых уважаемых и одновременно сакральных женских занятий – принимать роды, “бабіць дзіця”. Сохранилась традиция символически выбирать “бабу”, приглашать ее на родины и крестины, дарить подарки и оказывать почести, хотя непосредственно в процессе рождения она участия не принимает.

Особенности взаимоотношений между бабой-повитухой и ее названным внуком регулировал “валачобны абрад”, подробно описанный еще А. Сержпутовским: “На Вялікдзень жанкі, а часам і мужчыны ходзяць з сваімі маладзіцамі з валачобным к той бабе, каторая ў іх бабіла дзіця. Моо й слова валачобнае пашло з таго, што яны валакуць бабе пірагі, свянцонае, а то й просто два ці тры боханы хлеба, палатно ці наметку, пляшку гарэлкі або яшчэ што-небудзь” [7, с. 12]. Обычай бытует в регионе и в наше время. Волочобный обряд – уникальный региональный обряд, посвященный семье и детям, поскольку в общеполорусской традиции он имеет совсем другой смысл, связан с обходом дворов мужчинами на Пасху, величанием хозяина и членов семьи.

Принцип единства рационального и иррационального особенно актуален до рождения ребенка, а так же в период беременности. А, возможно, и раньше, в процессе подготовки к свадьбе, выборе красивой внешне и внутренне гармоничной пары, проведении самого свадебного обряда, в ходе которого закладывались духовно-нравственные основы молодой семьи. Это выработанные веками требование начинать воспитание на самых ранних этапах, воздействуя главным образом на структуры подсознания.

Руководствуясь и рациональными, и иррациональными знаниями, народная педагогика Мозырского Полесья ставит целью содействовать формированию здорового, физически и психически совершенного ребенка на самых ранних этапах развития, еще в утробе матери. Отклонения в развитии ребенка объясняются недостаточной заботой о здоровом потомстве при создании семьи, неправильным поведением в период беременности, воздействием “урока” вредоносной магии, нарушением родителями норм народной морали. Поэтому

существует определенное количество ограничений, обязательных для исполнения каждой беременной женщиной и ее близкими, в которых отражены этические, эстетические и воспитательные нормы.

Выделяются следующие действия, важные для формирования личности ребенка в будущем: поведение беременной женщины и отношение к ней окружающих; обстоятельства при рождении; процесс отрезания пуповины и действия с детским местом; первое купание новорожденного; выбор имени; отведы; родины; крестины. Придавалось значение эмоциональному настроению будущей матери, поскольку все, что происходит с плодом до рождения и в первые часы, дни жизни оказывает значительное воздействие на его характер, способности и судьбу.

Исходя из предположения, что подобное вызывает подобное, на Мозырском Полесье беременной женщине запрещалось: прыгать через огонь и плевать на него (у ребенка будет кожная болезнь – “рожа”); брать взаймы (ребенок будет жить в бедности); смотреть в зеркало (у ребенка будут болеть глаза); не смотреть на умершего, не быть на похоронах (ребенок будет бедным) [5]. Согласно убеждениям белорусов-полешуков, именно такой подход позволял сделать патриотическое, трудовое, интеллектуальное воспитание более эффективным, прочным, обеспечить духовное единство новорожденного с предками, с родным домом, окружающей природой, вселенной и родной землей.

Принцип единства рационального и иррационального многогранно проявляется в представлениях о доле и недоле. “Доля” и “недоля” – важнейшие категории славянской культуры, в которых осмысливается индивидуальная судьба как часть целого, общего для рода, семьи и социума счастья [6, с. 113]. В значении доля, судьба, счастье, удача в регионе употребляются следующие слова и выражения: “доля”, “планіда” (“пламета”), “талан” (“таланіць” – “не таланіць”, в значении: везет – не везет), “такі мой талан” [1 с. 132]), “с такой пламетой чалавек нарадзіўся” [10].

Преобладает убеждение, что судьба ребенка во многом предопределена до рождения: “Якая чалавеку будзе жытка на гэтым свеце, яму яшчэ на раду

назначано” [6, с. 64]. Будущая доля новорожденного представляется в виде прекрасной девушки: “Адна спляла вянок з асату да з чартапалоху да й кажэ: “Ось, такая жытка будзе таго чалавека, якога я буду доля”. – Другая спляла вянок з калітак да з вещь. А я ж, – кажэ, – доля рыбака да ахвотніка. – Трэўця ж самая гожая спляла сабе вянок з каласоў жыта й пшаніцы да й убрала яго рознымі кветкамі. – Я ж, – кажэ, – доля гаспадара” [6, с. 284]. Выбор из трех представленных вариантов может быть случайным, но чаще всего обусловлен делами предков, поведением родителей.

После рождения ребенок наделяется личной долей: “А дай жа, божа, гэтаму дзіцяці / Усякую долю ўзяці: / І хлебавую, і саляную, / Трэўцю – здаравейкую” [7]. Просьба о счастливой доле новорожденного – стержневая идея родинного обряда. Таким образом, возможные варианты развития событий предопределены, при этом судьба ребенка может быть частично изменена в период новорожденности как в худшую, так и в лучшую сторону. Не случайно, у славян считается, что нельзя причитать над ребенком о несчастной доле, что бы в самом деле не накликасть ее.

Исходя из этих представлений, в народной педагогике Мозырского Полесья существует особый взгляд на развитие личности. Развитие личности определяют не только внешние и внутренние, но и ряд иррациональных факторов– судьба (“лёс”, “планіда”), доля, счастье (“талан”) или их отсутствие: “Доля добрая, та й жытка добрая” [6, с. 283]. Воздействие иррациональных факторов особенно актуально в переломные, судьбоносные моменты жизни: выбор мужа или жены, профессии и т.д. И даже если внешние и внутренние факторы благоприятствуют развитию личности, но “доля ліхая”, то человек может сделать ошибочный выбор, попасть в тяжелую ситуацию. На иррациональные факторы сам человек или близкие могли оказать воздействие через обряды, выбор правильной с точки зрения региональной культуры системы поведения, но и эти факторы определяли каким родиться ребенок, сможет ли он в полной мере реализовать свой жизненный потенциал.

Мотив predetermined судьбы характерен для мировой культуры – царь Эдип, библейский Иов, для научных концепций – З.Фрейд, Ф.Ницше. Для понимания традиционной воспитательной практики существенно – в народной педагогике Мозырского Полесья затрагивались не только социальные, но и экзистенциальные, психолого-педагогические вопросы, которые обращали внимание на сложность духовного мира человека, неоднозначность результатов воспитания.

Белорусы-полешуки верят, что определенное время или место, присутствие или отсутствие везения, благоприятные или неблагоприятные события семейной жизни оказывают значительное воздействие на судьбу человека. Согласно местным поверьям, есть доброе и злое время: хорошее время (“у добры час”) несет удачу, здоровье, счастье, успех; злое (“ліхая гадзіна”) – болезнь, горе. Поэтому для всякого дела (сева, строительства, лечения, свадьбы, семейного разговора) старались выбрать удачное время или, как в случае с рождением, через обрядовую и магическую практику подкорректировать его.

Хорошая примета – родиться от полночи до полдня; хуже – после полудня или под вечер, на заходе солнца – дитя будет “няўдалае, нехлямяжнае” [6, с. 172]. Несчастливыми для рождения являются понедельник, пятница; счастливыми – вторник, четверг, воскресенье [6, с. 173]. По местному лунному календарю, хорошо родиться на молодой месяц или на полной луне, нежелательно – “на сходніх днях” (последняя четверть лунного цикла).

Характер и будущая жизнь новорожденного зависят и от поры года: дети, которые рождаются зимой – болезненные (“кволые”), но старательные и хорошие работники; майские дети – несчастливые, но из них вырастают талантливые музыканты и исполнители песен; летом – рождаются горячие и сердитые, но отходчивые люди; осенью – зажиточные и хозяйственные [6, с. 173-174].

Существенным для родившегося считалось определенное состояние природы: “добра нарадзіцца ў пагоду або калі “царэўна плача”, значыць, калі дождж ідзе і сонцэ грэе, горш – у непагадзь і зусім дрэнна – падчас віхру” [4,

с. 348]. Эти приметы варьируются, но повсеместно признается тот факт, что время суток, день недели, фаза луны, пора года, когда родился человек, определяют его характер и дальнейшую жизнь.

Судьбоносной процедурой является выбор имени для ребенка. Имя, а также фамилия и родовое прозвище – символ преемственности традиций рода, семьи и данного региона. По обычаю первый сын получал имя деда по отцовской линии, второй – по материнской, так и при выборе имени девочке. При этом нельзя было называть одним именем трех человек: бабушка Татьяна, дочь Татьяна и внучка Татьяна. От выбора имени, по народным представлениям, зависела дальнейшая судьба, характер, привычки. Ребенка старались назвать в честь честного, красивого человека, надеясь передать черты характера, способности. В послевоенное время детям давали имена родственников, которые не вернулись с войны.

Согласно народным представлениям, когда рождается ребенок, то зажигается его звезда и чем ярче она горит, чем счастливее будет человек, поскольку звезда оберегает его, дарит любовь, удачу. При этом и человек своими поступками воздействует на гармонию во вселенной: “Калі зорка падае па небу доўга і не гасне зразу, то памёр добры чалавек, яго душа ляціць і свеціцца. Калі падае хутка і гасне – памёр грэшны, злы чалавек” [8, с. 220-221]. Таким образом, в народной педагогике допускается мысль о двойственной природе человека, стремлении личности к добру или злу, что определяется по результатам прожитой жизни.

Принцип единства рационального и иррационального наиболее полно воплощен в региональных родинно-крестинных обрядах, которые составляют единый комплекс. При этом всему же, что совершается в первый раз (первое сказанное слово, первый зуб, первые шаги, первая стрижка, впервые выполненная работа, первая взрослая одежда соответственно полу, первый брак и т.д.) на Мозырском Полесье, как и в целом у славянских народов, придается особое значение.

В момент рождения закладывается единство ребенка с членами семьи, с окружающей природой, он приобщается к региональным обычаям и традициям. Новорожденного представляли природным силам (небу, солнцу, земле) и родному дому (печь, порог): “Дзіця ложілі на перкаль і повітуха выносіла яго на двор, показатъ Господу, шо б загорэлас на небі его зорка, што б добрая була жызьнь у малога. Потом несла назад і ложыла под печ (куда кладут дрова), для того, што б буў рабоцяшчым і здаровенькім. Бо печ у той час була корміліцой” [9].

Особое значение отводилось предметам (по Д,Д, Фрезеру “вещи, которые хоть раз были в контакте, продолжают взаимодействовать на расстоянии”), на которых перерезалась пуповина. Считалось, что они содействуют половой дифференциации и выбору будущих занятий, профессии. Для девочек благоприятными были вещи, которые соответствовали традиционным женским занятиям: ножницы, нитки, серп, гребень для чесания льна, веретено, детали ткацкого станка (“кроснаў”), молитвенник, что бы была хорошей хозяйкой и христианкой. Для мальчика – нож, топор, детали сохи, что бы был сильным, любил труд, стал хорошим мастером [5].

Существенное значение придавалось действиям с пуповиной и плацентой: “Пупавіну дзяўчынкi закопвалі туды, дзе карова стаіць. Паслед (дзіцячае месца) закопвалі пад парогам або пад печчу” [7]. Таким образом закладывались основы патриотического воспитания.

Дар, обмен дарами или услугами – обязательная составная часть народного этикета, символическое признание новорожденного обществом, наделенное его долей, здоровьем. Приносят деньги, одежду или ткань, хлеб, зерно, пироги, молочные продукты: “Баба не прыходзіць з пустымі рукамі, пялёнкі несла, не адну, а дзве, хлеб, а няма, то місачку мукі, два яйца” [10]. Показательный обычай существует у сербов: тем, кто не принес подарка, вымазывают лицо сажей, закидывают шапку за печь [11, с. 16–20].

В ходе проведения крестин закрепляются пол и будущие занятия ребенка: “Часамі, як вязуць хрысціць дзіця, та кала парога ў хаце кладуць сакеру, долато,

калі гэто хлопчык, ці лён, іголку – калі дзевачка, каб яны, як вырастуць, былі добрымі гаспадаром і гаспадыняю” [6, с. 178]. Новорожденному стремились передать и закрепить лучшие качества и удачу: “Дзіця хрысціць лепш усяго везці на валох, та яно будзе добрым гаспадаром ці гаспадыняю. Калі ж няма валоў, та вязуць на конях, каб ліхое за ім не ўгналасо. Але ніколі не можна пешкі несці дзіця, як бы ні было блізка, бо гэто яму можэ зашкодзіць” [6, с. 178]. Многое зависело от выбора кумовьев: “Кум і кума павінны на хрысцінах много праміж сябе гаварыць, каб дзіця было гаваркое да да людзей прыхільнае ” [6, с. 180]. Таким образом, через региональную систему обрядов совершается приобщение новорожденного к социуму, оказывается воздействие суггестивного характера с целью содействовать счастливой судьбе, правильной половой ориентации.

Реализация принцип единства рационального и иррационального при воспитанием детей раннего возраста тесно связана с традиционными знаниями медицинско-прафилактического и психологического характера.

В целом считается, что необходимо ограничивать контакты детей с внешним миром и незнакомыми или недоброжелательными людьми. Существует убеждение, что ребенка надо растить в тишине, не показывать чужим людям, что бы не испугать, “не сурочыць”, не навредить физическому или психологическому здоровью [10].

Основными заболеваниями, характерными для этого периода, в народной медицине считаются “урок”, “ляк”, “прыстрэк”, “узносы” (“зносы”), которые согласно древним представлениям, имеют эмоционально-психологическую и иррациональную природу. “Ляк”, “спалох”, “пуд”, “перапуд” – страх, душевное волнение, которое приводит к болезни: “Жоўтачка з ляку нападае” [12, с. 71]. “Урок” – болезнь от плохого слова или плохой мысли; “падзіў” – болезнь от плохого глаза; “падвей” – болезнь от ветра; “прыстрэк” – болезнь от уроков: “Трэбо тобе прыстрэка пошэптаць” [12, с. 112]. “Узносы” – болезнь по причине случайной встречи младенцев. Испуг (“ляк”) на Мозырщине лечат разными способами: выливают, смывают, выкатывают, “палаюць” перед печкой, перепекают, окуривают, закладывают волосы в дырку или углубление в стене,

выбрасывают одежду больного на дорогу, протягивают ребенка через дупло дерева. От урока – выкачивали хлебом или яйцом, брызгали водой, вытирали подолом, обкуривали, надевали наизнанку одежду и др. [5].

Белорусы-полешуки так же проявляют осторожность к процессу фотографирования (в прошлом – даже взрослых, а теперь преимущественно новорожденных и детей до года), пристального разглядывания ребенка, что может привести к “суроку”, оказать негативное воздействие. Это актуально и в отношении более старших детей: “Пакуль дзіця яшчэ блазнота, яно павінно жыць сабе, як само хочэ; на яго не трээ зварочваць увагі, не вельмі паказваць людзям, не дзівавацца яго зграбнасцю, не прымушаць яго пасвіць гусі ці што, бо тагды яму вельмі лёгка могуць пашкодзіць” [6, с. 185].

Принцип единства рационального и иррационального имеют системообразующий характер, реализуясь через определенные методы и средства народной педагогики Мозырского Полесья. Ему соответствуют методы воздействия на личность, нехарактерные для институализированного воспитания, а именно, пожелание, упрек, обзывание и дразнение, благославление, клятва и присягание, отречение, покаяние, жертвоприношение, запугивание, угроза, физическое наказание с элементами эмоционально-магического воздействия и т.п. Используемые слово, словесные формулы имеют здесь не только лексическое значение, но и магическую силу, оказывают эмоциональное и суггестивное воздействие на сознание и подсознание.

На данный принцип опираются и методы физического воздействия, которые не являются запретными в народной педагогике: “Стаяў у куточку асінавы дубец, таму што ён нечысту сілу выганяе. Як б’юць – сагналі з цебе паганы дух. Крапіваю білі. Вербой свечонай” [7]. Как отмечают исследователи традиционной культуры, “бить”, “битье” – ритуальное магическое действие, которое имеет продуктивную и отгонную функции: содействует появлению детей, здоровью, приплоду, отгоняет болезнь, злых духов и т.д. Использовались такие предметы как палка, розги, крапива, пояс, ветки вербы, березы, орешника. Известно ритуальное битье младенца, но нельзя бить землю [13, с. 177]. Таким

образом, воспитательное воздействие в данном случае достигается не жестокостью наказания, а благодаря исцеляющим свойствам и самого процесса бития, и определенных предметов (освященная верба, крапива, осиновый дубец), которые по местным поверьям отгоняют нечистую силу, “злы дух”, воздействуя через физическое тело на сущностные сферы личности.

Согласно единству духовного и материального, исток многих воспитательных проблем виделся в воздействии внешних сил, которые человеку неподвластны, но воздействие которых необходимо переждать или направить в другую сторону. Присутствием мифологических персонажей (“Упіры”, “Скрут”, “пламета”) местные жители объясняют истерику, детское упрямство. По народным представлениям, много неприятностей новорожденному приносят “Начніцы”, “Плаксы”, “Крыксы”. Это души умерших (женщины, которые не имели детей, убили или недосмотрели ребенка; умершие в детстве или проклятые родителями дети), которые вечно страдают, завидуют счастью живых [8, с. 138]. Мифологические существа (“Дамавік”, “Лесавік”, “Палявік”, “Балотнік”, “Вадзянік”) предостерегают людей от необдуманных поступков, формируют культуру поведения в семье, следят за поведением детей в отсутствии родителей. Мифология выступает и как средство воспитания, и как способ консервации традиционного мировоззрения.

Принцип единства рационального и иррационального выявляется, во-первых, на индивидуальном уровне, как средство интенсификации духовной жизни личности; во-вторых, на уровне коллективного сознания, как средство укрепления консервативных аспектов воспитательной деятельности, придания ей национальной и региональной неповторимости и самобытности.

На сегодняшний день роль иррациональных факторов в педагогике изучена недостаточно, хотя ими изобилуют фольклорные источники и исследования. Актуален объективный подход этнологов: “мы не должны противопоставлять магию и науку: их следует расположить параллельно, как два способа познания, известных человечеству” [14, с. 115].

Выделение принципа единства рационального и иррационального обогащает методологию этнопедагогике как отрасли педагогической науки, позволяя на основе данного принципа обобщить многие разрозненные, ранее неостребованные и на сегодняшний день рационально необъяснимые, но, тем не менее, реально существующие в воспитательной деятельности факты и явления, методы и средства воспитания, а так же в целом лучше понять законы функционирования традиционной, устной культуры воспитания. По нашему мнению, это справедливо не только в отношении исследования народной педагогики Мозырского Полесья и белорусской народной педагогики, но и славянских, а так же мировых воспитательных традиций.

Литература

1. Тураўскі слоўнік: у 5 т. / склад. А.А.Крывіцкі [і інш.]. – Мінск, 1982–1987.
2. Сербовъ И.А. Белоруссы-сакуны: краткий этнографический очеркъ / И.А. Сербов. – Петроградъ, 1915.
3. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии / Д.Д. Фрезер; пер. с англ. – 2-е изд. – М, 1986.
4. Пяткевіч Ч. Рэчыцкае Палессе / Ч. Пяткевіч; уклад., прадм. У. Васілевіча; пер. з пол. Л. Салавей і У. Васілевіча. – Мінск, 2004.
5. Мазыр 850 год: у 3 т. / рэдаг. В.С. Новак [і інш.]. Т. 3: Спрадвечнай мудрасці скарбонка: сучасны стан традыцыйнай культуры г. Мазыра. Гомель, 2003.
6. Сержпутоўскі А.К. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў / А.К. Сержпутоўскі; навук. рэд., прадм. У.К. Касько. – Мінск, 1998.
7. Колоцей Д. Л. 1935 г.н., г. Мозырь Гомельская обл. Записала в 2005 г. Сычева И.С.
8. Народная міфалогія Гомельшчыны: фальклорна-этнаграфічны зборнік / рэдаг. В.С. Новак [і інш.]. – Гомель, 2003.
9. Шевчук Е. С. 1929 г.р., д. Малишев Житковичский район Гомельская обл. Записала в 2008 г. студентка МГПУ им. И.П. Шамякина Шевчук Татьяна.

10. Сыч М. Л. 1921 г.р., д. Ремезы Ельский район Гомельская обл. Записала в 2007 г. студентка МГПУ им. И.П. Шамякина Книга Валерия.
12. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2 /Под общ. ред. Н.И. Толстого. – М., 1999.
13. Кучук І.М. Палескі слоўнік: Лельчыцкі раён. Мазыр, 2000.
14. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / Ин.-т славяноведения и балканистики РАН; под ред. Н.И. Толстого. – М., 1995.
15. Садохин А.П. Этнология / А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая. – М., 2000.